

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-4-14

УДК 37.01

СПЕЦИФИКА ЭТИКИ СВОБОДЫ И ТВОРЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА

Пузанов А.П.

Специфика этики свободы и творчества Н.А. Бердяева отражает имплицитный педагогический потенциал, заключающийся в оригинальной религиозно-философской трактовке феномена образования. Источник образования – образ Божий в человеке, путь образования – свободное приобщение к истине, смысл образования – восстановление божественного образа человека в творческом ответе на призыв Бога. Н.А. Бердяев выделяет особую воспитательную роль христианства во всемирной истории, которую видит как глобальный образовательный процесс духовно-нравственного воспитания всего человечества. Этико-педагогическое учение Н.А. Бердяева является не телеологическим, но духовно-энергетическим, фактически опровергает одностороннее доминирование целей над средствами, рассматривает их в неразделимом единстве в стремлении избежать идеальной объективации. В этом смысле путь образования человека не менее важен, чем его цель, и само образование предстаёт не как жизненное средство, но как смысл, содержание и путь «жизни духа».

Ключевые слова: образование, философия образования, этика свободы и творчества, объективация, духовно-нравственное воспитание.

THE SPECIFICITY OF FREEDOM AND CREATIVITY ETHICS IN N. BERDYAEV'S PHILOSOPHY OF EDUCATION

Puzanov A.P.

The specificity of N. Berdyaev's freedom and creativity ethics reflects its implicit pedagogical potential, consisting in original religious and philosophical treatment of education. The source of education is the image of God in man, the way of education is a free communion with the truth, the sense of education is restoring God's image of man through free creative response to God's call. N. Berdyaev marks out a special educational role of Christianity in the world history, which is seen as a global educational process of spiritual and moral education of the whole mankind. The ethical and pedagogical teaching of N. Berdyaev is not teleological, but a spiritual and energetical one. In fact, it denies single-sided dominance of ends over means, considers them to be the inseparable unity in order to avoid ideal objectification. In this respect, the way of education is not less important than its ends, and education itself appears to be not the means of living but the sense, contents and way of "the life of spirit".

Keywords: education, philosophy of education, freedom and creativity ethics, objectification, spiritual and moral education.

Философия образования Н.А. Бердяева специфична и примечательна во многом благодаря его нетривиальной этике свободы и творчества. Как этические, практикоориентированные, русский мыслитель воспринял многие, казалось бы, сугубо теоретические проблемы философии, сделав их из отвлечённых и далёких близкими и животрепещущими. Презентация этического учения Бердяева есть, во многом, представление основных проблем его философии образования. Имплицитность рассматриваемых вопросов только подогревает интерес исследователя, находящегося в общении с философом. Этико-

педагогический контекст религиозно-экзистенциального понимания свободы и творчества, добра и зла, целей и средств, истории и эсхатологии основан на широкой, философско-образовательной трактовке образования. Она не сводится лишь к духовно-нравственному воспитанию, технологиям обучения или институциональной системе, а рассматривает образование в качестве одного из фундаментальных экзистенциальных процессов, который пронизывает всю человеческую жизнь и характеризует человека как личность, призванную дать ответ Богу через творчество.

Система этики Бердяева религиозна по определению и основывается на Заветах христианства: Ветхом, Новом и «Третьем Завете», «Завете Творчества». Соответственно выдвигается трёхступенчатая структура этического развития человечества: этика закона, этика искупления и этика творчества. Самой первой хронологически зародилась этика закона. Она наиболее распространена в обществе и выражается в ветхозаветном декалоге, государственных законах, социальных нормах. Христос стал провозвестником нового сознания человечества, не известного и непонятого доселе. Это следующий этап – этика искупления, когда Бог пострадал за грехи человечества, подав пример бесконечной любви и жертвенности. Однако, согласно Бердяеву, искупления недостаточно для оправдания смысла человеческой жизни, поскольку он создан по образу и подобию Божьему, являясь творцом подобным Богу, но не равным Ему. Это предполагает творческую миссию человека в этом мире, где творчество, равно как и святость, могут победить его изначальную греховность и вывести из времени в вечность, в Царство Духа. Такова основа третьего этапа – этики творчества.

Воля к свободе пронизывает всю философию Бердяева, наряду с творчеством определяя специфику его системы этики. Всю свою жизнь он воспевал свободу, но не тёмную и бессмысленную, а духовную и просветляющую. Основываясь на учении немецкого мистика Я. Бёме о добытийственной свободе *Ungrund*, Бердяев строит свою концепцию Вселенной, говоря о безначальной,

меонической свободе, которая была всегда. Это Бездна, бесконечная потенция, возможность, случай. Она стихийна, слепа, является источником бессмысленности и зла в этом мире. Бог же в свою очередь представляет порядок, цель и смысл. Бог есть добро, любовь, высшая ценность и идеал, верный путь человека. Бог создал мир, и этот мир находится в его власти. Человек же имеет особое положение. С одной стороны, он является частью мира и Бога, а с другой, имеет свою собственную свободу, основанную на первичном меоническом хаосе. Цель человека – упорядочить и направить свою свободу на творчество высших позитивных ценностей.

Свобода как идеал образования имеет значительную историю. Наиболее известные педагогические системы, в которых он получил отражение – это, прежде всего, учения Ж.-Ж. Руссо и Л.Н. Толстого. Однако, если поставить вопрос, коррелируют ли их взгляды с установками Бердяева, мы получим однозначный ответ – по названию это воспитание свободное, но, по сути, нет. С.И. Гессен в «Основах педагогики» [10, с. 40-63] довольно точно раскрывает скрытый тоталитарный (у Руссо) и анархический (у Толстого) характер таких моделей. Постоянное наблюдение и незаметное направление Эмиля по нужному воспитателю пути подчас походит на слежку и манипулирование поведением. Это то же ограничение свободы, но гораздо более изощрённое и опасное, напоминающее процесс массового внушения при помощи СМИ. Вседозволенность же Толстого приводила порой к выплеску низменных устремлений в отсутствие руководства взрослых. Так, детям в Яснополянской школе доставляло огромное удовольствие, когда уличённого в воровстве мальчишку заклеили нашивкой с надписью «Вор», с которой он ходил весь день. Дети утолили чувство мести, а воришка затаил чёрную обиду, которая вылилась в очередной краже. Детский суд постановил то же наказание, но, видя искажённое лицо маленького преступника, Толстой осознал всю бесплодность подобных методов и отпустил ребёнка. Свобода очень легко может превратиться в произвол. Настоящая свобода всегда предполагает ответственность и самоограничение. Но дети в силу своего

возраста к ним не способны. Хорошо известна неосознаваемая и неконтролируемая детская жестокость, коренящаяся в животной стихии.

В этом заключается скрытое коварство свободы. Свобода подлинная, внутренняя подменяется внешней, которая в итоге уничтожает свободу внутреннюю. Это свобода во зле лежащая, свобода безбожная. Поэтому свобода как отвлечённый принцип не может являться целью образования человека. Бессодержательная свобода означает рабство у объективированной идеи, ведущее в тупик. Бердяев об этом говорил: «Но и свобода может быть отрицательно пустой. Лозунги формальной свободы, свободы хотеть того, чего захочешь, - отрицательные и пустые. Это детская свобода или рабья свобода. В ней нет ничего органического, нет содержания, нет связи с мировыми целями. Формальная свобода для свободы, без цели и содержания, есть лишь обратная сторона деспотизма и рабства. Политические революции слишком часто бывают основаны на этой детской и рабьей свободе, и деятели их бывают заражены психологией, развившейся в атмосфере деспотизма. Зрелая, содержательная свобода предполагает возрастание и подъём внутреннего человека, его органическое воссоединение с другими людьми и космосом. Зрелая, положительная свобода имеет космическое содержание и мировую целестремительность, она противна произволу. И только та свобода может быть творческой, которая открывает место человека в космическом организме» [3, с. 291]. Ценность имеет лишь свобода, несущая истину и смысл. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» [Ин 8:32], – сказано в Евангелии. Поэтому свобода ценна не сама по себе, а ценна как единственный путь, ведущий к истине, как путь, пронизанный смыслом. В этом отличие концепции Бердяева от анархизма, где свобода самоценна и оторвана от смысла. Два пути извращения свободы – чрезмерный контроль и попустительство – это крайние выражения попыток воплощения идеала свободы в образовании. Цель образования, косвенно выдвигаемая Бердяевым – это не развитие свободы в человеке, а развитие человека в свободе, преобразование и

обожение его, достижение духовности, то есть одухотворение и переход в новый эон и план существования, в Царство Духа.

Подобно всем великим педагогам, Бердяев отстаивает идею изменемости человеческой природы, её преображения. Но делает он это на глобальном духовном уровне. Этика Бердяева обосновывает историю образования человечества как духовной общности, как путь исполнения призвания человека, путь трудный и трагический, замешанный на свободе, а потому до конца не предопределённый. При этом дух человека, его сознание не статичны: «Страшно изменился человек, новыми грехами он болеет, новыми муками мучится и новой творческой любовью хочет любить Бога. А представители старого закостенелого церковного сознания думают, что перед ними всё та же старая неизменная душа, с исключительно старыми грехами и вопрошаниями» [5, с. 156]. Значение христианства в истории видится философом в явном педагогическом ключе: «Христианство изнутри побеждало варварство и грубость души, образовывало человека» [5, с. 15]. «Страдание и мука жизни, свидетельствующие о существовании зла, есть великая религиозная школа, которую проходит человечество» [5, с. 111]. «Человеческая масса выводится из царства тьмы, из плена у хаоса по ступеням, в процессе воспитания» [4, с. 511].

При этом творчество предстаёт как главный «двигатель» эсхатологии – перевода мира в иную реальность, иное, духовное состояние. Бердяеву принадлежат известные слова, что «смысл истории – в её конце», и «...задача истории разрешима лишь за её пределами» [2, с. 154]. При этом нужно помнить, отмечает А.В. Гулыга, что «...бердяевская эсхатология это не кликушество о гибели бытия, а творческая программа его преобразования» [11, с. 242]. «Задача истории - не в победе над страданием и несчастьем (результатом), а в творческой победе над злом и грехом (источником)» [6, с. 161]. «Но, чтобы зло было побеждено, должно выявиться его окончательное ничтожество; оно должно предстать перед человечеством в окончательной своей форме. Пусть сбудутся все обещания древнего змия и змииноного пути, тогда выявится ложь этих обещаний.

Для свободы выбора человечество должно: 1) стать на ноги, укрепить свою человеческую стихию и 2) увидеть царство правды и царство лжи, конечную форму обетований добра и обетований зла» [6, с. 189].

Всемирная история – это путь образования человечества. Данная мысль скрыто, неявно, но регулярно появляется на страницах трудов Бердяева. Три этапа в развитии этики и есть конкретизация этого пути. История имеет свой, неподвластный нам ход, но это не означает пассивной позиции наблюдателя. Только совместными активными усилиями всех и каждого можно добиться качественного скачка, перехода в новый мировой эон.

Своё отличие от различных социологических концепций «рая на земле» Бердяев видел именно во внутреннем преодолении человеком зла, собственной изначальной природной греховности. Он не мог принять политическую и социально-экономическую революцию как раз потому, что она меняет лишь покровы, внешность, но ничего не меняет изнутри. Поэтому истинная революция есть революция духовная, революция духа, глубоко убеждён Бердяев. Такое понимание стало одной из причин, по которым мыслитель размежевался с марксизмом, оставаясь, впрочем, до конца дней согласным с его гуманистическим зарядом. Разницу точно подметила П.Е. Вахренева: «...Марксизм по проблеме свободы занял диаметрально противоположную позицию, согласно которой человек должен быть организован извне, через производство и среду. У Бердяева - изнутри, из глубины человека, ищущего сверхналичного существования, где Бог - безусловный смысл смыслов - метафизическая основа движения в мире. Персоналистическое общество должно стать не результатом новой организованной жизни, а следствием новой душевной структуры человека» [8, с. 281].

Парадоксальность этики Бердяева заключается в сломе её традиционной парадигмы. Философ фактически отказывается от цели как этической доминанты, а телеологичность приравнивает к объективации. Этика выходит из скорлупы частного философского знания, становясь философией сама по себе. И эта философия вместо цели основывается на экзистенциалах духа и энергии: «Те-

телеологическая точка зрения, соединённая с учением о свободе воли, может быть формулирована так: человек должен подчинить свою жизнь поставленной ему верховной цели и ей иерархически подчинить все остальные нижепоставленные цели, свобода же воли даёт ему возможность подчинить свою жизнь этому верховному благу. Такого рода доктрина, очень распространённая, совершенно не соответствует ни современной психологии, ни христианскому откровению и приводит к рабской этике. Телеологическая точка зрения, идущая от Аристотеля, вообще должна быть оставлена. Нравственное достоинство человека и нравственная его свобода определяются совсем не целью, которой он подчиняет свою жизнь, а источником, из которого вытекает его нравственная жизнь и деятельность в мире. В известном смысле слова можно даже сказать, что «средства», которыми пользуется человек, гораздо важнее «целей», которые он преследует, ибо они больше свидетельствуют о духе человека. Если человек стремится к свободе путём насилия, к любви путём ненависти, к братству путём раздора, к истине путём лжи, то возвышенная цель этого человека не может смягчить нравственно неблагоприятной его оценки. Я даже думаю, что если бы человек стремился к насилию путём свободы, к ненависти путём любви, к лжи путём правдивости, к раздору путём братства, то он нравственно оказался бы выше. Для этики должно быть важнее всего, каков человек, какого он духа, есть ли в нём внутренний свет, есть ли в нём благостная и творческая энергия. Этика решительно должна быть энергетической, а не телеологической» [1, с. 82]. Свобода воли, подчинённая высшей цели, перестаёт быть свободой и становится необходимостью, диктуемой этой целью. Важна не свобода воли как таковая, а какого человек духа. Важна не цель, а дух.

Нравственность не может быть целью сама по себе. Это не цель, а путь. Нравственность как цель – это объективация и ханжество, поскольку она лишена своего содержания в угоду созданному разумом образу предвосхищаемого результата. С.И. Гессен указывал, что «своеобразие нравственной ценности как раз ведь и состоит в том, что нравственность не может никогда иметь себя са-

мое своим содержанием» [9], а «для того, чтобы быть нравственным, человек не должен ставить нравственность целью своего действия, он не должен даже иметь в мыслях, что, поступая так или иначе, он действует нравственно. Когда нравственность входит в умысел действующего, она немедленно вырождается в фарисейство, а это значит, что нравственный поступок должен иметь своим содержанием никогда не себя самого, но всегда какую-нибудь конкретную цель, вытекающую непосредственно из жизни, из её нужд и потребностей, и в этом смысле предметную, объективную цель» [9].

Этика Бердяева – этика не телеологическая, а энергетическая, это этика пути, а не цели. В этом её отличие от других этических учений. Она не даёт цели образования, она лишь раскрывает его пути. Цель образования нельзя напрямую вывести из системы этики Бердяева, но можно говорить о путях образования, опираясь на его этическое учение. В данном случае цель образования в православной педагогике – восстановление образа Божия в человеке – предстаёт не как цель и, тем более, не как средство, а как источник божественного в человеке, из которого исходит его духовная природа. Источник – внутри нас, стоит лишь открыть его в себе. Вот почему философия образования Бердяева глубоко антропологична. Она видит исток образования в самом человеке. Однако это вовсе не означает автономии человека, поскольку, по глубокому убеждению Бердяева, человек настолько человечесен, насколько он сопричастен Богу. Открыть в себе человека для Бердяева значит обожиться, преобразить свою земную природу – значит очеловечиться. Бог человечесен, человек же бесчеловечен, - утверждал философ. Поэтому образование не может иметь выдуманной схоластической цели, оно имеет лишь животворящий источник божественного и путь творчества. Цель статична, скована объективирующим сознанием в отличие от динамических путей творчества, основанных на благодатной духовной энергии. Можно, конечно, выставлять любые цели, но они остаются такими же бессильными, как и сознание, придумавшее их, игрой слов и не более того. Любая цель для Бердяева находится в сфере объективированного, то есть непод-

линного существования и отражает лишь отблеск истины, подобно теням в платоновской пещере. Существование, духовное следует искать в другом месте, но далеко не каждый может и готов повернуться к ним лицом. Критика целей, телеологичности – это, в конечном счёте, ссылка на ограниченные права разума, восстание против диктата рациональности и рабства у времени. Путь творчества для Бердяева является фактически ответом на вопрос «что?», а не «как?». Средства определяют цель, источник – путь.

Можно провести вполне определённые параллели с философией В. Дильтея, убеждённого, что «цель педагогики не может быть выведена общезначимым образом из этики» [13, с. 87], и «усилия построить педагогику научным образом, когда выдвигается некая якобы общезначимая цель и из неё делаются выводы для педагогики, не удались» [13, с. 87]. Он выступает против выдвижения каких-либо общезначимых, абсолютных целей воспитания и образования, утверждая иррациональное содержание целевой структуры педагогики [13, с. 95, 97].

Итак, Бердяев утверждал, что «этическое всегда есть путь жизни, а не конечная её цель» [1, с. 147]. Примечательно в этой связи, что мораль в восточной традиции ассоциируется именно со словом «путь», а также «порядок» [14, с. 276]. Но Бердяев не отрицает целей, он лишь говорит о значении пути. «Цель имеет смысл лишь в том случае, если её начать осуществлять сейчас же, тут» [7, с. 614]. Путь важнее цели, путь определяет цель. «Характерно, что никто не выставляет прямо злых целей, зло всегда прикрывается добром, всегда крадёт у добра. Зло видно лишь в применяемых средствах» [7, с. 612]. Христос учил: «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний *сам* будет заботиться о своём: довольно для *каждого* дня своей заботы» [Мф 6:34]. В этом высказывании заключается великая истина соотношения целей и средств, целей и путей жизни. Образование – это не подготовка к жизни, это есть, в широком смысле, сама жизнь. Пропедевтическое обоснование образования как средства для достижения какого-то объективированного результата не соответствует подлинно-

му соотношению целей и средств, когда средство фактически является целью, то есть образование рассматривается в данном ракурсе не как средство, а как цель само в себе, а по сути, путь совершенствования человека. Школа не должна быть цехом по производству полуфабрикатов, но институтом образования человека. Современный интегральный подход к пониманию образования как непрерывного процесса, длящегося на протяжении всей жизни, гораздо более отвечает вышеозначенному этическому постулату философии образования Бердяева.

Далеко не случайно Н.В. Мотрошилова называет философию Бердяева «новым вариантом философии жизни», «философией жизни духа», которая отличается от западной традиции (А. Бергсон, Ф. Ницше, В. Дильтей и др.) отказом от биологических акцентов в трактовке понятия жизни. Бердяев – философ жизни как источника, но не как цели, ведь жизнь может быть разной – и хорошей, и плохой, и поэтому слишком абстрактна для цели. Жизнь для Бердяева – это, прежде всего, жизнь духа, а этика Бердяева – это этика жизни духа, фактически определяющая его философию образования. Смысл жизни как смысл образования в творчестве жизни, на каждом шагу, в каждом действии – это также своеобразная философия жизни. Жизнь у Бердяева положительно осмыслена, ценна собственной творческой самоценностью; это перманентное творчество, постоянный труд выбора, непрекращающийся образовательный процесс.

Таким образом, этика Бердяева раскрывает его педагогическую антропологию, но не в классическом её понимании как науки о морали и нравственности, а в качестве учения о назначении и призвании человека. Исторический контекст и эсхатологическая перспектива этики свободы и творчества Н.А. Бердяева имеют явную этико-педагогическую направленность, задавая динамику его философии образования. Путь изживания зла представляет педагогический вектор образования человечества, а сам Бердяев невольно претендует на место одного из его духовных учителей. Нетрадиционность и парадоксальность структуры его этического учения выражается в экзистенциалах свободы и

творчества. Одухотворённое, энергетическое, а не объективированное, телеологическое понимание свободы как этического пути человека определяет образовательную аксиологию «философии жизни духа» Бердяева. Смысл жизни, равно как и смысл образования, видится в творческом ответе человека на призыв Бога. Восстановление образа Божьего в человеке зиждется на свободе выбора истинного пути, на котором цели и средства тождественны. Поэтому не может быть образования без человека и вне человека. Есть только образование человека, и оно выступает в качестве пути человеческой жизни; оно не может быть средством, также как и отстранённой целью. Образовать человека значит выявить в нём подлинно человеческое, то есть божественное по Бердяеву. Его педагогический активизм, отличающийся от сугубо клерикальных трактовок, выражен в дерзкой концепции со-творчества мира, возвышении человека и очеловечивании Бога, религиозной легитимации творчества.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. С. 19-252.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 16-336.
4. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. С. 475-728.
5. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.

6. Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. С. 25-262.

7. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. С. 565-671.

8. Вахренева П.Е. Н. Бердяев и его философия человеческого достоинства // Социально-гуманитарные знания. 2005. №3. С. 275-289.

9. Гессен С.И. О понятии и цели нравственного образования (Публикация Е.Г. Осовского) [Электронный ресурс] // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века. Материалы Второй Всероссийской научн. конф. «Образование и пед. мысль Российского Зарубежья. 20-50-е гг. XX в.» (Саранск, 16-18 окт. 1997 г.) / Под ред. Е.Г. Осовского. Саранск, 1998. С. 152-165. URL: <http://pedagogics.narod.ru/obzor/zarub16.txt> (дата обращения 28.08.2010)

10. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М.: «Школа-Пресс», 1995. 448 с.

11. Гулыга А.В. Русская идея и её творцы. М.: Изд-во Эксмо. 2003. 448 с.

12. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьёв. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). М.: Республика; Культурная революция, 2007. 477 с.

13. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004. 520 с.

14. Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. 671 с.

References

1. Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksalnoy etiki [The Destiny of Man. Experience paradoxical ethics]. *Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksalnoy etiki* [N.A. Berdyaev The Destiny of Man. Experience a paradoxical ethic]. Moscow: The Republic, 1993. pp. 19-252.
2. Berdyaev N.A. *Smysl istorii* [The meaning of history]. M.: Thought, 1990. 176 p.
3. Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka [The meaning of creativity: Experience justification Rights]. *Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [N.A. Berdyaev The meaning of creativity: Experience justify human]. Moscow: AST: AST MOSCOW: CUSTODIAN, 2007. pp. 16-336.
4. Berdyaev N.A. Filosofiya neravenstva [Philosophy inequality]. *Berdyaev N.A. Filosofiya svobody* [N.A. Berdyaev Philosophy of Freedom]. Comp., Introd. Art. and comment. VV Skoda. Moscow LLC "Publishing ACT"; Kharkov: "Folio", 2004. pp. 475-728.
5. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [The philosophy of the free spirit]. Moscow: The Republic, 1994. 480 p.
6. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody [Philosophy of Freedom]. *Berdyaev N.A. Filosofiya svobody* [N.A. Berdyaev Philosophy of Freedom]. Comp., Introd. Art. and comment. V.V. Skoda. Moscow LLC "Publishing ACT"; Kharkov: "Folio", 2004. pp. 25-262.
7. Berdyaev N.A. Tsarstvo Dukha i Tsarstvo Kesarya [Kingdom of the Spirit and the kingdom of Caesar]. *Berdyaev N.A. Dukh i realnost* [N.A. Berdyaev Spirit and Reality]. Moscow: AST, Kharkiv: Folio, 2006. pp. 565-671.
8. Vakhreneva P.E. N. Berdyaev i ego filosofiya chelovecheskogo dostoinstva [Berdyaev and his philosophy of human dignity]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], no. 3 (2005): 275-289.
9. Gessen S.I. O ponyatii i tseli npravstvennogo obrazovaniya (Publikatsiya E.G. Osovskogo) [On the concept and purpose of moral education (Publication Osovskaya

EG)]. *Rossiyskoe Zarubezhe: obrazovanie, pedagogika, kul'tura. 20-50-e gody XX veka. Materialy Vtoroy Vserossiyskoy nauchn. konf. «Obrazovanie i ped. Mysl Rossiyskogo Zarubezh'ya. 20-50-e gg. XX v.» (Saransk, 16-18 okt. 1997 g.)* [Russian Diaspora: education, education, culture. 20-50-ies of XX century. Proceedings of the Second All-Russian Science. Conf. "Education and ped. Russian idea abroad. 20-50-ies. XX century." (Saransk, 16-18 October. 1997)] / Ed. E.G. Osovski. Saransk, 1998. pp. 152 - 165. <http://pedagogics.narod.ru/obzor/zarub16.txt>

10. Gessen S.I. *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu* [Fundamentals of pedagogy. Introduction to applied philosophy display]. Ed. Ed. and comp. P.V. Alekseev. M.: "School-Press", 1995. 448 p.

11. Gulyga A.V. *Russkaya ideya i ee tvortsy* [Russian idea and its creators]. M.: Publishing house Eksmo. 2003. 448 p.

12. Motroshilova N.V. *Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada (V. So-lov'ev. N. Berdyaev. S. Frank. L. Shestov)* [Russian thinkers and philosophers of the West (V. Soloviev. Berdyaev. Frank. Shestov)]. Moscow: The Republic, the Cultural Revolution, 2007. 477 p.

13. Ogurtsov A.P., Platonov V.V. *Obrazy obrazovaniya. Zapadnaya filoso-fiya obrazovaniya. XX vek* [Images of Education. Western philosophy of education. XX century]. St.: RHGI, 2004. 520 p.

14. *Etika: Entsiklopedicheskiy slovar* [Ethics: encyclopedic dictionary] / Ed. R.G. Apresian and A.A. Huseynov. Moscow: Gardariki, 2001. 671 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Пузанов Александр Павлович, ассистент кафедры иностранных языков педагогического профиля

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

ул. Коммунаров, 28, г. Елец, Липецкая обл., 399770, Россия

E-mail: alexpuzanov@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Puzanov Alexander Pavlovich, Assistant, Department of Foreign Languages

Teacher Profile

Elets State University named after I.A. Bunin

28, Kommunarov str., Elets, Lipetsk Region, 399770, Russia

E-mail: alexpuzanov@list.ru

Рецензент:

Белканов Н.А., д.п.н., проф.